

АНДЖЕЛО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властновалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивой,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ Судѣ его дремалъ карающій Законъ
Какъ дряхлый звѣрь уже къ ловитвъ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,

Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
 Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусаль,
 Что провосудіе сидѣло сложа руки
 И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
 Хотѣть возстановить порядокъ упущенныій;
 Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
 Молчаніемъ Суда уже дозволено,
 И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
 И страшно было бы, тому-же особливо.
 Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
 Что дѣлать? долго Дукъ терпѣлъ и размыщлялъ,
 Размысливъ наконецъ, рѣшился опѣ на время
 Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
 Чтобы новый властелинъ расправой новой могъ
 Порядокъ вдругъ завесть и быль бы кругъ и строгъ.

III.

Былъ иѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
 Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
 Блѣдившій въ трудахъ, учены и постѣ,

За правы строгіе прославленій вездѣ,
 Стѣснившій весь себя оградою законной,
 Съ пахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной,
 Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
 И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
 Неограниченны права ему вручая.
 А самъ докучнаго вниманья избѣгая,
 Съ народомъ не простясь, in cognito одинъ
 Пустился странствовать какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишъ только Анджело вступилъ во управленье,
 И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
 Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
 Законы поднялись, хватая въ когти зло,
 На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ болезни,
 По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
 И ухо стало себѣ почесывать народъ
 И говорить: хе! да этотъ ужъ не тотъ.

V.

Между Законами забытыми въ ту пору
 Жестокій былъ одинъ: Законъ сей изрекалъ

Прелюбодѣю смерть. Такова приговору
 Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
 Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
 Отрылъ его, и въ страхѣ повѣсамъ городскимъ
 Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
 Сурово говоря помощникамъ своимъ:
 «Пора намъ зло пугнуть. Въ балованиемъ народѣ
 Преобраталися привычки ужъ въ права,
 И шмыгаютъ кругомъ Закона на свободѣ,
 Какъ мыши около зѣвающаго льва.
 Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
 На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь
 Роптали вообще, смѣялась молодежь,
 И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
 Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила
 И первый подъ топоръ bezпечной головой
 Попался Клавдіо, патрицій молодой,
 Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить
 И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
 Джюльету пѣжную успѣль онъ обольстить,
 И къ таинствамъ любви безбрачной преклонить.
 Но ихъ послѣдствія къ несчастью явны стали;

Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношъ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшеніе,
Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
Невольно каждому внушая сожалѣніе
И горько стояя. На встрѣчу вдругъ ему
Попался Луціо, гуляка беззаботной,
Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотной.
Другъ молвилъ Клавдію, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
Она спасти меня, друзей бы упросила,
Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
Въ ней много, Луціо, искусства и ума,
Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость
Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
Мягчить сердца людей. — Изволь! поговорю,
Гуляка отвѣчай, и самъ къ монастырю
Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла.
 Постричься черезъ день она должна была
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Луціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
 — Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ)
 Уверенъ я что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ.
 Нельзя-ли доложить прекрасной Изабелѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ?
 — Несчастный?.. почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра. — Нѣть, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ. — За что? — За то, за чтобы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему иного наказанья.
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описація,
 Немногія жесткія своею наготой
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы младой,
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
 Она чиста была душою какъ Эѳиръ.
 Ея смутить не могъ невѣdomый ей міръ
 Свою суетой и праздными рѣчами.)
 Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чёмъ просилъ
 Васъ братецъ. Боже мой, дѣвица отвѣчала,

Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!...
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ!...
 Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ;
 Насъ неудачею предатели страшатъ,
 И благо вѣрное достать не допускаютъ.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною и просить и рыдасть,
 Такъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной
 Съ усерднымъ Луціо къ Вельможѣ поспѣшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего Намѣстника молила.
 Дѣвица, отвѣчалъ суровый человѣкъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть. Заплакавъ, Изабела
 Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ;
 Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ,
 Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.

Какъ будто рѣчъ идеть межъ вами про иголку.

Конечно, если такъ, не будетъ вѣрю толку.

Не отставайте-же! еще!

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя Закона.

Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни Царская корона,
Ни мечь Намѣстника, ни бархатъ Судіи,
Ни полководца жезль — всѣ почести сї —
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
Какъ Милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ,
Когда бъ во власть твою мой братъ быль облеченъ,
А ты быль Клавдіо; ты могъ бы пасть какъ онъ,
Но братъ бы не быль строгъ какъ ты.

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ быль Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
Оставь меня, прошу, сказалъ онъ тихо ей;
Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
Была часъ отъ часу. Подумай, говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и щѣлитъ, судимъ бы грѣшныхъ насть
Безъ милосердія; скажи: что было-бѣ съ нами?

Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ?
 И милость нѣжная твоими дхнетъ устами,
 И новый человѣкъ ты будешь.

XII.

Онъ въ отвѣтъ:

Поди; твои мольбы пустая словъ утрата.
 Не я, законъ казнить. Спасти нельзя мнѣ брата
 И завтра онъ умретъ.

ИЗАБЕЛА.

Какъ завтра! что? нѣтъ, нѣтъ.

Онъ не готовъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
 Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
 За преступленіе, которое доселѣ
 Прощалось каждому; постраждеть первый онъ.

Анджело.

Законъ не умираль, но быть лишь въ усыпленіи,
 Теперь проснулся онъ.

ИЗАБЕЛА.

Будь милостивъ!

Анджело.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленіе,
 Каю одного, спасаю многихъ я.

ИЗАВЕЛА.

Ты ль первый изречень сей приговор ужасной?
 И первый жертвою мой будеть братъ несчастной.
 Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужель душа твоя
 Совсемъ безвинная? спросись у нея: ужели
 И мысли грѣшныя въ ней отъ роду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
 И прочь идти хотѣль. Она: постой, постой!
 Послушай, воротись. Великими дарами
 Я задарю тебя.... прими мои дары,
 Они не суетны, но честны и добры,
 И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
 Я одарю тебя молитвами души
 Предъ утренней зарей въ полуночной тиши,
 Молитвами любви, смиренія и мира,
 Молитвами святыхъ угодныхъ небу дѣвъ
 Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
 Живыхъ для Господа.

Смущенъ и присмирѣвъ,

Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
 И въ отдаленные покой поспѣшасть.

Часть вторая.**I.**

День цвѣтъ Анджело безмолвный и угрюмой,
Сидѣть, уединясь, объятъ одною думой,
Однцмъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ.
Усталыхъ вѣждь его. «Что жъ это, мыслить онъ,
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее и взоръ мой усладить
Дѣвицѣй прелестью? По ней грустить умилъно
Душа.... или когда святова уловить
Захочеть бѣсь, тогда приманкою святою
И манить онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою теперь я побѣженъ.
Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А ныне!....»

II.

Размышлять, молиться хотеть онъ,
Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами

Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
Устами праздными вращаль онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣль. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него ,
Какъ дѣльная , давно затверженнай книга ,
Несносныи сдѣлалось. Скучаль онъ ; какъ отъ ига
Отречься былъ готовъ отъ сана своего ;
А важность мудрую , которой столь гордился ,
Которой весь народъ безсмысленно дивился ,
Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ первомъ
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ
.

Поутру къ Анджело явилась Изабела
И странный разговоръ съ Намѣстникомъ имѣла.

III.

Анджело.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Волю я твою пришла узнать.

Анджело.

Ахъ , если бы ее могла ты угадать ! . . .
Твой братъ не долженъ жить . . . а могъ бы .

ИЗАВЕЛА.

Почему-же

Простить нельзя его?

Анджело.

Простить? что въ міръ хуже
Столь гиуснаго грѣха? Убийство легче.

ИЗАВЕЛА.

Да,

Такъ судять въ небесахъ, но на землѣ, когда?

Анджело.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположенье:
Что если бъ отдали тебя на разрѣшенье
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАВЕЛА.

Скорѣе чѣмъ душою,

Я плотью жертвовать готова.

Анджело.

Я съ тобою

Теперь не о душѣ толкую.... дѣло въ томъ:

Братъ осуждень на казнь; его спасти грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

ИЗАБЕЛА.

Предь Богомъ я готова
Душою отвѣтчи: грѣха въ томъ никакова,
Повѣрь, и нѣть. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

Анджело.

Спасеніе-ли ты его
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗАБЕЛА.

О пусть моимъ грѣхомъ спасеніе брата станетъ!
(Коль только это грѣхъ.) О томъ готова я
Молиться день и ночь.

Анджело.

Нѣть, выслушай меня,
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь,
Я проще изьясниюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ.

Анджело.

Смерть изрекъ ему рѣшительно Законъ.

Изабела.

Такъ точно.

Анджело.

Средство есть одно къ его спасенью

(Все это клонится къ тому предположению,
И только есть вопросъ и больше ничего.)

Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его,
(Наперсникъ Судіи, иль самъ по сану властный
Законы толковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный)
Къ тебъ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобы ты казнь брата искупила
Своимъ паденьемъ; не то — рѣшить Законъ.
Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

Изабела.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

Анджело.

Твой братъ умретъ.

Изабела.

Такъ что-же?

Онъ лучшій путь себѣ конечно избереть.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасеть.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчио.

Анджело.

За что-жъ казалося тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сей часъ
Ты праведный Законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

Изабела.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противурѣчила я милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

Анджело.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.

Такъ женщина слаба, я въ этомъ убѣждень
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ—
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗАВЕЛА.

Тебя я не могу понять.

Анджело.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАВЕЛА.

Увы! что миъ сказать?

Джюльету братъ любилъ, и онъ умреть, несчастный.

Анджело.

Люби меня, и живъ онъ будеть.

ИЗАВЕЛА.

Знаю: властный

Испытывать другихъ, ты хочешь.....

Анджело.

Нѣть, клянусь,

Отъ слова моего теперъ не отопрусь;

Клянуся честю.

ИЗАВЕЛА.

О много, много чести!

И дѣло честное!... Обманщикъ! Демонъ лести!
 Сей часъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,
 Или поступокъ твой и черноту души
 Я всюду разглашу — и полно лицемѣрить
 Тебѣ передъ людьми.

Анджело.

И кто же станетъ вѣрить?

По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
 Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
 И самый приговоръ надъ братней головою
 Представлять твой доносъ безумной клеветою.
 Теперь я волю далъ стремлению страстей.
 Подумай и смирись предъ волею моей;
 Брось эти глупости: и слезы, и моленья,
 И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
 Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
 Искупишь ты его отъ плахи роковой.
 До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
 И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
 Что хочешь говори, не пошатнуся я.
 Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ, и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу

Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ, спѣшить она въ темницу.
Дверь отворилась ей; и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ и съ нимъ въ плащѣ широкомъ
Подъ чернымъ куколемъ съ Распятіемъ въ рукахъ
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому ,
Что смерть и бытіе равны одна другому ,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша. —
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
Отшельница вошла: Миръ вамъ! — очнулся онъ
И смотрѣть на сестру, мгновенно оживлёнъ.
Отецъ мой, говорить монаху Изабела ,
Я съ братомъ говорить однѣ бы здѣсь хотѣла.
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

Клавдіо.

Что жъ, милая сестра,
Что скажешь?

Изабела.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

Клавдіо.

Такъ иѣть спасенїя?

Изабела.

Нѣть, иль развѣ поплатиться
Душой за голову?

Клавдіо.

Такъ средство есть одно?

Изабела.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смяг-
читься.

Въ немъ милосердіе бѣсовскос: оно
Тебѣ даруетъ жизнъ за узы муки вѣчной.

Клавдіо.

Что? вѣчнаѧ тюрьма?

ИЗАБЕЛА.

Тюрьма — хоть безъ оградъ,
Безъ цѣни.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАБЕЛА.

Другъ сердечной,
Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ,
Семь, восемь лишихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боиця-ль умереть?
Что чувство смерти? мигъ. И много-ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпить тоже,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?

Или идти на смерть во мнѣ не станеть силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль долженъ умереть; и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

ИЗАБЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцевскій голосъ. Точно:

Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю:
Тотъ грозный Судія, святоша тотъ жестокой,
Чи взоры строгія во всѣхъ родятъ болзнь,
Чья избранная рѣчъ шлетъ отроковъ на казнь,
Самъ Демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
И полно мерзостью.

Клавдіо.

Намѣстникъ?

Изабела.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...
Знай: если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

Клавдіо.

О нѣтъ, не надобно.

Изабела.

На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

Клавдіо.

Нѣди, сестра.

Изабела.

Братъ милой!

Богъ видитъ: ежели одной моей могилой
 Могла бы я тебя отъ казни искупить,
 Не стала бъ болѣе иголки дорожить
 Я жизню моей.

Клавдіо.

Благодарю, другъ милой!

Изабела.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

Клавдіо.

Да, такъ.... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!
 Для одного мгновенія
 Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ навѣкъ?
 Нѣть, я не думаю. Онъ умный человѣкъ.
 Ахъ, Изабела!

Изабела.

Что? что скажешь?

Клавдіо.

Смерть ужасна!

Изабела.

И стыдъ ужасенъ.

Клавдіо.

Такъ—однако жъ.... умереть,

Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть
Въ холодной тѣспотѣ... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ...

.....

Изабела.

О Боже!

Клавдіо.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.

Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

ИЗАВЕЛА.

Что смѣешь говорить?

Трусь! тварь бездушная! отъ сестрица разврата
Себѣ ты жизни ждешь!... Кровосмѣситель! нѣть,
Я думать не могу, не льзя чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣть, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спасти тебя могла лишь волею мою,
То все таки бѣ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, постой, постой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживалъ ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего насилиу охладѣла,

И брата бѣднаго простила, и опять
Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТИЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Ни что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометой,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣль, наблюдалъ
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушалъ весь разскѣзъ,
Въ разтроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,

Но сладить кое-что.... Онъ тихо въ дверь вошелъ
Дѣвицу отозваль и въ уголокъ отвелъ.
Я слышалъ все, сказаіль, ты похвалы достойна
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна
Все къ лучшему придетъ; послушана будь и вѣрь.
Туть онъ ей объяснилъ свое предположеніе
И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобы мрачное чело
Угрюмой, злой души печальное зерцало,
Желанья женскія на вѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человѣкъ, сей грѣшникъ—былъ любимъ
Душою нѣжною, печальной и смиренной,
Душой отверженной мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрила
Младой его жены молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшиливо каря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
«Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
«Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣніе

«Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предмѣстіи , печально изнывая.
Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьина подъ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ Ангель Изабела
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома съ ней ,
И часто утѣшать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
Марьина, только лишь настанетъ почи мгла ,
Къ палатамъ Анджело идти должна была ,
Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой
И наградить его условленной наградой.
Чуть винтнымъ шопотомъ, прощаясь, шепнуть
Лишь только то: *теперь о братѣ не забудь.*
Марьина бѣдная сквозь слезы улыбалась
Готовилась дрожа — и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь, въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ
И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.

Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела,
 Все шло какъ надоено: сей честь у ней сидѣла
 Марьяна блѣдиая, съ успѣхомъ возвратясь,
 И мужа обманувъ. Девица занялась —
 Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
 Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что жъ? Намѣстникъ
 Немедля узника приказывалъ казнить
 И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ представить
 Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
 И казнь остановилъ, а къ Анджело отправить
 Другую голову, велѣвъ обрить и снять
 Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
 Горячкой въ туже почь умершаго въ тюрьмѣ,
 А самъ отправился, дабы вельможу злова
 Столь гнусныя дѣла творящаго во тьмѣ
 Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невинятно
 О казни Клавдію успѣла пробѣжать,

Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѿдеть Дукъ. Народъ его встрѣтить
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совѣствомъ, предчувствіемъ стѣсненный,
Туда же поспѣшилъ. Улыбкой доброй Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ
И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ—и прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ Помилуй, Государь!
Ты щитъ невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!... — Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабелу мещетъ....
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
Она помѣшена, сказалъ онъ, видѣвъ брата
Приговореннаго на смерть. Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла....

Но обнаружа гнѣвъ

И долго скрытое въ душѣ негодованье,
Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ

Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ ;
 Все объяснилося, и правда изъ тумана
 Возникла; Дукъ тогда : что Анджело скажи ,
 Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
 Съ угрюмой твердостію тотъ отвѣтъ : казни.
 И обѣ одномъ молю : скорѣе прикажи
 Вести меня на смерть.

Иди , сказаль властитель,

Да гибнетъ судія-торгашъ и обольститель;
 Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ ,
 Помилуй, молвила, ты мужа мнѣ отдавъ ,
 Не отымай опять ; не смѣйся надо мной.

— Не я, но Анджело, смѣялся надъ тобою ,
 Ей Дукъ отвѣтствуетъ, но о твоей судьбѣ
 Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
 Его сокровища, и будешь ты награда
 Супругу лучшему. — Мнѣ лучшаго не надо.
 Помилуй, Государь ! не будь неумолимъ ,
 Твоя рука меня соединила съ нимъ !
 Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
 Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань.
 Сестра ! спаси меня ! другъ милый Изабела !
 Проси ты за него, хоть на колѣни стань ,
 Хоть руки подымы ты молча.

Изабѣла

Душой о грѣшникѣ, какъ Ангель, пожалѣла
 И предъ Властителемъ колѣна преклоня ,

Помилуй, Государь, сказала. За меня
Не осуждай его. Онь, (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жиль праведно и честно,
Покамѣсть на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!»

И Дукъ его простили.

A. Пушкинъ.

НОВОСЕЛЬЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1834.